

С И П А М Ж А Н Ь

СКОЛЬКО
ЗОЛОТА
В ЭТИХ
ХОЛМАХ

INSPIRIA

Москва

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П15

C Pam Zhang
HOW MUCH OF THESE HILLS IS GOLD

Copyright © 2020 by C Pam Zhang
First published by Riverhead Books an imprint and division
of Penguin Random House LLC.
Translation rights arranged by AJA Anna Jarota Agency and The
Clegg Agency, Inc., USA.
All rights reserved.

Перевод с английского *Григория Крылова*
Художественное оформление *Яны Паламарчук*

Памжань, Си.

П15 Сколько золота в этих холмах / Си Памжань ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-117815-4

Ночью умирает Ба. Ма нет уже давно. Вмиг осиротевшие Люси и Сэм оказываются совсем одни — затерянные на просторах земель, где все кажется чужим. В поисках подходящего места для могилы отца они отправляются в путешествие, прочь от злобы жителей шахтерского городка — к открытым равнинам, желтой кромке горизонта, змеящимся вдалеке холмам — и новым надеждам.

В этой книге сплетаются мифический символизм китайской культуры и терпкий дух калифорнийской золотой лихорадки. «Сколько золота в этих холмах» — роман о приключениях, о сестринской любви, о страхе, боли, принятии, наследии и истории.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117815-4

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Моему отцу Жаню
Хоньджиану, любимому,
но едва ли знаменитому.

Эта земля — не ваша земля.

Часть первая
XX62

Золото

Ба умирает ночью, подвигнув их искать два серебряных доллара.

Сэм к утру начинает раздраженно притопывать ногой, но Люси чувствует потребность поговорить, прежде чем они уйдут. Молчание давит на нее все более тяжелым грузом, давит, пока она не сдастся.

— Прости, — говорит она лежащему на своей постели ба.

Простыня, которой он накрыт, — единственный чистый кусок материи в полутемной и пыльной хибарке, где на всех поверхностях лежит угольная пыль. Ба и при жизни не обращал внимания на беспорядок, и в смерти его злобный косой взгляд ничего не замечает. Не замечает он и Люси. Для него есть только Сэм. Больше он никого не любит — только этот сгусток нетерпения, мельтешащий у двери, в больших не по размеру ботинках, ловивший каждое слово ба, когда тот был жив, а теперь не желающий встречаться с ним взглядом. И тут понимание наконец осеняет Люси: ба ушел навсегда.

Она зарывается босыми пальцами в земляной пол, ищет такие слова, к которым Сэм прислушается. Которые смягчат годы боли благодатью. В льющихся из единственного окна лучах солнца призрачно висит пыль. Бездвижный воздух не колышет ее.

Что-то подталкивает Люси в спину.

— Бах, — говорит Сэм. Одиннадцать против двенадцати Люси, дерево против ее воды, как любила говорить ма, но при этом Сэм на целый фут ниже Люси. Сэм выглядит совсем как обманчиво мягкий ребенок. — Слишком медленно. Ты убита. — Сэм выставляет пальцы на пухлом кулаке и дует на ствол воображаемого револьвера.

Так делал и ба. «Вот это правильно!» — говорил он, а когда Люси как-то раз возразила, сославшись на учителя Ли, который сказал, что новые револьверы не перегреваются и на них не нужно дуть, ба счел правильным влепить ей удар такой силы, что искры посыпались у нее из глаз, нос обожгло огниво боли.

Нос у Люси так никогда и не выпрямился. Она прикасается к нему большим пальцем, думает. «Правильно, — сказал ба, — дать ему зажечь самому». После того как синяк сошел, он посмотрел на лицо Люси и быстро кивнул. Словно давным-давно задумал это. «Правильно, у тебя теперь есть напоминание о том, что дерзить недопустимо».

Сэм стоит перед ней: бронзовое лицо, покрытое не только неизменной грязью, но еще и втертым в него порошком, чтобы походить на индейца, как его представляет себе Сэм, в боевой раскраске, но под всем этим — невинное лицо.

На этот раз, поскольку кулаки ба беспомощно лежат под простыней, а Люси, как она ни хороша, как ни умна, думает, что если станет досаждать ему, то он, возможно, встанет и набросится на нее, — Люси делает то, чего не делает никогда: видя, как Сэм выпячивает грязный подбородок (который можно было бы назвать хрупким, если бы не манера выставлять

его вперед), она сцепляет руки, выставляет указательные пальцы и тычет ими в незатронутую боевой раскраской ямочку под нижней губой.

— Бабахай себя, — говорит Люси, и после ее толчка — таким погоняют преступников — Сэм оказывается за дверью.

Солнце иссушает их. К середине засушливого сезона дождь превратился в далекое воспоминание. Их долина представляет собой голую землю, разделенную пополам петляющим ручейком. По эту сторону расположены ветхие лачуги шахтеров, по другую — дорогие здания с настоящими стенами и стеклом в окнах. А вокруг опоясывает долину бесконечное золото обожженных солнцем холмов; а в их высокой пожухлой траве прячутся стоянки всякого сброда — золотоискателей, индейцев, группок бакеро¹, путешественников, преступников, а еще шахты, шахты и новые шахты, еще и еще.

Сэм распрямляет узкие плечи и перепрыгивает через ручей в своей красной рубашке, напоминающей крик среди бесплодной земли.

Когда они только поселились здесь, в долине росла желтая трава, на возвышенностях — низкорослые дубы, а после дождей появлялись маки. Наводнение, случившееся три с половиной года назад, с корнем выдрало дубы, половина обитателей долины и холмов утонули или покинули свои дома. Но их семью наводнение не затронуло — их хибарка стояла в одиночестве в дальнем конце долины. Ба напоминал дерево, расколотое молнией: внутри мертвый, а корни все еще цепляются за землю.

А теперь, когда ба нет?

¹ Vaquero (*исп.*) — конный пастух.

Сэм оставляет следы, и босоногая Люси шагает по ним и молчит, копя слюну. Вода давно ушла, после наводнения жажда почему-то стала сильнее мучить мир.

И ма нет уже не первый год.

За ручьем тянется широкая главная улица, переливающаяся и пыльная, как змеиная кожа. Вдоль улицы декоративные фасады: за одним салун, за другими кузница, фактория, банк, гостиница. Люди держатся тени, как ящерицы.

Джим сидит в своем магазине, скрежещет пером в бухгалтерской книге. Она толстенная, как и он сам, да и весит половину того, что весит он. Говорят, что он ведет учет долгов всех обитателей территории.

— Извините нас, — бормочет Люси, расталкивая локтями стайку ребятишек, которые слоняются близ сладостей, их глаза жадно ищут то, что утолит их скуку. — Простите. Виновата.

Она сжимается, чтобы быть меньше. Ребятишки лениво расступаются, пытаются оттолкнуть ее. Хорошо, хоть сегодня не лезут щипаться.

Джим по-прежнему сосредоточен на своей книге.

Теперь громче:

— Извините, сэр?

Десяток взоров пронзают Люси, но Джим продолжает ее игнорировать. Заранее зная, что ничего хорошего из этого не выйдет, Люси кладет руку на прилавок, чтобы привлечь его внимание.

Джим поднимает глаза. Они у него красные, края век — как сырое мясо.

— Убери, — говорит он. Его голос звучит резко, холодно — не голос, а натянутая стальная проволока.

ка. Он продолжает писать. — Мыл прилавок сегодня утром.

Рванный смех за ее спиной. Это не волнует Люси, которая почти всю жизнь провела в таких городках, — у нее не осталось уязвимых мест к таким вещам. Если что и выворачивает ее наизнанку, как выворачивало, когда умерла ма, так это то, как смотрит Сэм — прищуривается так же злобно, как и ба.

«Ха! — произносит Люси, потому что Сэм будет и дальше молчать. — Ха! Ха!»

Ее смех защищает их, делает частью стаи.

— Сегодня только целые куры, — говорит Джим. — Никаких вам ножек. Приходите завтра.

— Нам не нужно еды, — лжет Люси, уже чувствуя вкус куриного мяса на языке. Сжимает кулаки опущенных рук. И говорит о своей нужде.

«Я тебе скажу единственные волшебные слова, которые имеют значение», — проговорил ба, когда зашвырнул книги ма в озеро, образовавшееся после грозы. Он ударил Люси, чтобы перестала реветь, но его рука в тот раз была мягка. Чуть ли не нежна. Он присел, уставился на Люси, которая размазывала сопли по лицу. «*Тин во*¹, девочка Люси: в долг».

Слова ба и вправду производят волшебное действие. Джим перестает писать.

— Повтори, девочка?

— Два серебряных доллара. В долг.

Голос ба грохочет за ее спиной, в ее ушах. Люси ощущает запах виски. Она не осмеливается повер-

¹ Слушай меня (*кит.*). Некоторые китайские слова и выражения повторяются, сноска дается только при первом употреблении. Полный список слов и выражений — в глоссарии в конце книги. (*Прим. пер.*)

нуться. Она не знает, что будет делать, если почувствует лопаты его ладоней на своих плечах — закричит или засмеется, убежит или обнимет его за шею с такой силой, что не расцепит рук, как бы он ее ни бранил. Слова ба выкатываются из туннеля ее горла, словно призраки из темноты.

— Вернем в понедельник. Нам и нужна-то всего небольшая отсрочка. Честно.

Она плюет на ладонь и протягивает руку.

Джим наверняка слышал эти слова от шахтеров, от их высохших жен и голодных детей. Бедных, как Люси. Грязных, как Люси. Все знали, что Джим в таких случаях кряхтел, давал то, что у него просили, а в день платежа взимал деньги в двойном размере. Ведь это он как-то раз после несчастного случая на шахте распродал в долг бинты. Людям, которые были в таком же отчаянии, как сейчас Люси.

Но все они лишь отчасти походили на Люси. Джим изучает ее взглядом. Босая. Пятна пота на плохо сидящем синем платье, сшитом из кусков рубашки ба. Худые руки, растрепанные волосы, похожие на мелкую проволочную сетку. И ее лицо.

— В долг твоему папаше я дам зерно, — говорит Джим. — И те куски животных, которые вы считаете пригодными для еды. — Его губы загибаются, обнажая полоску влажной десны. У кого-нибудь другого это могло бы называться улыбкой. — А за деньгами пусть идет в банк.

Слюна высыхает на ладони Люси, так и не удостоившейся прикосновения.

— Сэр...

Теперь Сэм стучит ботинком о пол громче, чем звучит смолкающий голос Люси. Сэм, расправив плечи, выходит из лавки.

* * *

Сэм — малявка, точнее не скажешь. Но Сэм умеет шагать по-мужски в своих ботинках из телячьей кожи, отбрасывая тень, которая лижет босые пальцы Люси; Сэм считает, что размер тени и есть истинный рост, а тело — временное неудобство. «Когда я буду ковбоем», — говорит Сэм. «Когда я буду владельцем шахты». А раньше было: «Когда я буду известным преступником. Когда я вырасту». Сэм настолько ребенок, что думает, будто одно только желание может изменить мир.

— Банк таким, как мы, не поможет, — говорит Люси.

Она с таким же успехом могла ничего не говорить. От пыли щиплет в носу, она останавливается, чтобы прокашляться. В горле першит. Ее рвет вчерашним обедом прямо на улицу.

Тут же набегают собаки и начинают вылизывать ее рвоту. Несколько мгновений Люси колеблется, хотя Сэм отбивает тяжелыми ботинками нетерпеливую дробь. Она воображает, как становится на четвереньки среди собак и сражается с ними за каждую крошку, которая принадлежит ей. Их жизнь — живот и ноги, бег и еда. Простая жизнь. А Сэм стоит тем временем в одиночестве, наблюдает.

Она заставляет себя распрямить спину и идти на двух ногах.

— Готов, напарник? — говорит Сэм.

На сей раз это реальный вопрос, а не выхаркивание пережеванных слов. Впервые за этот день Сэм не щурит свои темные глаза. Под защитой тени Люси глаза широко раскрываются, в них что-то чуть ли не трогательное. Люси протягивает руку, чтобы прикоснуться к коротким черным волосам там, где съехала